

УДК 821.161.1

ОБРАЗЫ ГЕРМАНСКИХ ГОРОДОВ В РУССКИХ ТРАВЕЛОГАХ РУБЕЖА XVIII – XIX ВВ.*Сергей С. Жданов^{1, @1}*¹ *Сибирский государственный университет геосистем и технологий, Россия, 630108, г. Новосибирск, ул. Плеханова, 10
@1 fstud2008@yandex.ru**Поступила в редакцию 16.02.2017.
Принята к печати 12.05.2017.***Ключевые слова:** травелог, образ города, Германия, В. Н. Зиновьев, Д. И. Фонвизин, Н. М. Карамзин, Ф. П. Лубяновский.**Аннотация:** В статье рассматриваются особенности изображения немецких городов в русских травелогах конца XVIII – начала XIX веков, созданных В. Н. Зиновьевым, Д. И. Фонвизиным, Н. М. Карамзиным и Ф. П. Лубяновским. В этих текстах отражается стремление носителей русской культуры к самоидентификации путем сопоставления с Западной Европой, в частности с Германией. Особое внимание русских авторов привлекают культурные реалии описываемых локалов. Также характерными чертами немецкого городского хронотопа выступают чистота, удобство, пространственная ограниченность и закрытость. Урбанистический локус представляется двумя основными аспектами: как пространство культурных артефактов и антропоное пространство горожан. При этом второй аспект важен для сентименталистских текстов Н. М. Карамзина и Ф. П. Лубяновского, но слабо выражен в сочинениях В. Н. Зиновьева и Д. И. Фонвизина. Описания городов в травелогах сентименталистов также являются более пространственными, наполняются подробностями, стилистическими фигурами, различными историческими и современными реалиями.**Для цитирования:** Жданов С. С. Образы германских городов в русских травелогах рубежа XVIII – XIX вв. // Вестник Кемеровского государственного университета. 2017. № 2. С. 189 – 194. DOI: 10.21603/2078-8975-2017-2-189-194.

Изучение феномена путешествий является весьма актуальным в наше время, характеризующееся значительным количественным и качественным ростом межкультурных контактов. В основании различных исследований, посвященных данному феномену, зачастую лежит, как отмечает Р. Ю. Данилевский, «проблема освоения «чужого» (иной культуры, иного языка, иного быта и мировосприятия)» [1, с. 272]. В этом плане интересный для анализа материал представляют тексты травелогов. Дело в том, что путешествующий становится медиатором между «своим» и «чужим» мирами, перед которым ставится задача «выйти за рамки самого себя, встретиться с другим, дать другому заговорить на собственном языке, несмотря на это понять другого и, наконец, измениться самому» (*Прим. автора: здесь и далее перевод с нем. наш*) [2, с. 89]. Перемещение путешественника в чужом пространстве выступает «одновременно и способом узнавания/освоения/изучения этого пространства, и способом конструирования его как уже своего» [3, с. 268].

Важно, однако, понимать, что освоенное Чужое представляет собой конструкт, который в той или иной степени не идентичен реальному Чужому. Человеческое сознание стремится «сопротивляться воздействию неведомого и чужого», в результате чего все культуры проявляют склонность к трансформации других культур, «...воспринимая их не такими, какие они есть, но такими, какими они должны быть...» [4, с. 106]. Кроме того, когда культура рассказывает о Чужом, она в первую очередь занимается самоидентификацией, отталкиваясь от него для выстраивания Своего, поскольку «...коллективные идентичности конституируются не только воображаемым материалом, из которого они состоят, но также и материалом, лежащим вне их, ...с которым они имплицитно

сравниваются», т. е. «напластованиями "Других"» [5, с. 14]. Соответственно, говоря о русской самоидентичности, нельзя ее рассматривать в отрыве от релевантных для нее образов иных национальных идентичностей и, в частности, вне контекста связей с Западом. Здесь следует согласиться с Г. А. Тиме, что «русская идея», т. е. представление о русскости, «...постоянно развивалась, начиная с первых русских контактов с Европой», сравнение с которой дало отечественной культуре «импульс для самоидентификации» [6, с. 441].

В рамках данного исследования мы обратились к образам Чужого в русских травелогах рубежа XVIII – XIX веков: «Журнале путешествия по Германии, Италии, Франции и Англии (1784 – 1785)» В. Н. Зиновьева, заграничных письмах Д. И. Фонвизина, «Письмах русского путешественника» Н. М. Карамзина и «Путешествии по Саксонии, Австрии и Италии в 1800, 1801 и 1802 годах» Ф. П. Лубяновского. Именно в эту эпоху, открытую начинаниями Петра I, происходит количественное и качественное изменение контактов России с окружающим инокультурным пространством: «...в XVIII веке русскими путешественниками осваиваются все направления, все стороны света», что обуславливает появление русских травелогов, в которых отражается «процесс конструирования пространства России, Европы и шире – всего мира» [3, с. 262]. При этом происходит переориентация основного вектора странствий и их описаний именно на Западную Европу. Как пишет В. М. Гуминский, «...сакральное пространство Иерусалима и Палестины древнерусских "хождений" сменяется европейским культурным пространством путешествий XVIII – XIX вв., Запад становится для образованной части русского общества "страной святых чудес"...» [7]. Со временем меняется и содержание этих

травелогов, начинающих тяготеть к всеохватной картине мира: «Во второй половине восемнадцатого столетия у русских путешественников... стало проявляться не только разнообразие интересов, но и способность к разным типам восприятия... Для них уже все стороны полученного опыта были достойны для записи в дневник или включения в описание путешествия» [8, с. 7].

Традиционными маршрутами путешественников тех лет были Франция, Германия, Англия, Италия, Голландия и Дания [3, с. 267]. В рамках данной статьи мы ограничимся анализом образов немецких городов в русских травелогах конца XVIII – начала XIX веков. Это объясняется, во-первых, той значительной ролью, которую играли культурные связи с Германией в русском обществе. Во-вторых, именно образы городов представляют в травелогах докарамзинской поры основной предмет изображения. Описание природного пространства широко входит в русскую литературу только в эпоху сентиментализма: пейзаж как органическая «часть художественной конструкции» возникает в ней лишь к концу XVIII века [9, с. 118]. Соответственно, в сочинениях Д. И. Фонвизина и В. Н. Зинovieва описания негородского пространства весьма скудны, так что траектория движения повествователей полна лакун: природные локусы фактически не изображаются. В связи с этим представляется интересным проанализировать, что именно авторы различных травелогов находят достойным описания в немецком урбанистическом пространстве, как различаются и в чем сходятся эти описания, формирующие образы городов Германии. Данная тема еще не нашла достаточного освещения в литературоведческих исследованиях.

Города Германии привлекали русских путешественников рубежа XVIII – XIX веков в первую очередь как «места сосредоточения культурной эмпирики», причем за каждым из них была закреплена определенная репутация: так, Дрезден привлекал любителей изящных искусств, в Веймар ездили поклонники Гете; в Нюрнберг – интересующиеся творчеством А. Дюрера, а в Лейпциг – путешествующие с образовательными целями [10, с. 163]. Принимая также в расчет раздробленность немецких земель на момент создания травелогов Д. И. Фонвизиным, В. Н. Зинovieвым, Н. М. Карамзиным и Ф. П. Лубяновским, можно говорить о своеобразном «лоскутном» образе немецкого пространства, важной составной частью которого являются образы городов: «космос Германства составлен из огромного разнообразия больших и малых микрокосмов государств, культур и традиций...» [11, с. 127].

Вообще, пространственная ограниченность немецкого пространства является характерной чертой всех четырех травелогов. Так, у Д. И. Фонвизина встречаются такие пренебрежительно-уменьшительные выражения, как «землишка» Саксония, «городки» Прусская Голландия, Фридрихланд, Лукау, Шлейц, «большой городок» Мариенвердер [12, с. 506, 507, 511]. Миниатюрность лоскутного пространства Германии подчеркивается и в следующем описании путешествия через немецкие княжества: «что ни шаг, то государство» [12, с. 455]. Более того, автор уподобляет ограниченным пространствам правящие там династии, называя их представителей мелкими принцами [12, с. 455]. Скрытая ирония проскальзывает и в описаниях В. Н. Зинovieва, который прибегает к следующему приему: метонимически сводит образ той или иной не-

мецкой земли к образу ее монарха и в той или иной форме сравнивает с огромными пространствами русской земли и масштабной роскошью российского двора. Так, повествователь описывает ощущение несоответствия между прозаическим видом прусского короля Фридриха Великого («в синем мундире, закиданном табаком», в весьма «красноватых» сапогах) и свершениями монарха: «Трудно вообразить, что сей – тот, который против всей Европы оборонялся в одно время и всех... расщелкал...» [13, с. 338]. Еще откровеннее пространственное противопоставление русскости и немецкости присутствует в пассаже о немецких «княгинюшках» и императрице Екатерине II, не лишенном, однако, некой двусмысленности: «...прискорбно должно быть немецким княгинюшкам, которые государыню как принцессу Цербстскую знали, и теперь видят, что она судьбу Европы решает» [13, с. 348]. Наконец, В. Н. Зинovieв, подобно Д. И. Фонвизину, пишущему о мелких принцах, называет кассельского князя «маленьким» [13, с. 349] в соответствии с размерами его владения. Иначе мотив миниатюрности немецкого пространства трактуется в сентименталистских травелогах. Так, «маленькой городок» Гейлигенбейль [14, с. 24], «два маленькие городка» Кеслин и Керлин [14, с. 30] вызывают у героя «Писем...» скорее умиление и служат маркерами идиллии. С идиллическим порядком связываются относительно небольшие размеры немецких земель в травелогe Ф. П. Лубяновского: «...в такой области, которой значащую часть можешь глазами измерить сверху высокой башни, легко удержать во всем порядке...» [15, с. 43] (*Прим. автора: орфография и пунктуация текста Ф. П. Лубяновского максимально приближены нами к современным*).

Еще одной общей характеристикой немецких локусов является чистота. В травелогe Д. И. Фонвизина в крайне лапидарных описаниях маленьких немецких городов и земель она отмечается особо: чистота, хороший обед и «всевозможная услуга» в трактире в Прусской Голландии; «чистехонький» Мариенвердер [12, с. 506]; «Чистота, услуга и удобства» Лейпцига «неописаны» [12, с. 509]; в нюрнбергском трактире «безмерная чистота и опрятности», при этом и улицы, и дома города «...так чисты, что уже походит на аффектацию» [12, с. 511], «внутри и снаружи» домов Нюрнберга «чистота отменная» [12, с. 512]. Как видим, в последнем городе маркер чистоты особенно акцентирован тройным упоминанием. Чистота в качестве характеристики немецкого пространства встречается и у Ф. П. Лубяновского: в Силезии «чистота и опрятность даже в бедных домах» [15, с. 31]; Гернгут «по чистоте своей... весьма примечателен» [15, с. 85]; в Богемии же нет «той опрятности, того порядку и той чистоты», как в Саксонии [15, с. 107]. У Н. М. Карамзина также встречается мотив чистоты в отношении немецкого пространства: в трактире Эльбинга все, «кроме хозяина и гостей», «довольно чисто» [14, с. 25]; «отменная чистота стекол украшает вид» данцигских домов [14, с. 27]; комната в Мемеле «...чиста и светла, а хозяин услужлив...» [14, с. 60].

Еще одной чертой немецкого городского пространства, которая встречается у В. Н. Зинovieва и Ф. П. Лубяновского, является пространственная ограниченность и отграниченность внутреннего локуса от внешнего. В «Журнале...» В. Н. Зинovieва Берлин и Потсдам вы-

ступают как города-узилища, в которых держат собственных солдат и где «...нарочно стены возведены, чтобы беглых чрез оные удерживать, часовые так часто расставлены около оных, что, кажется, возможности нет бежать...» [13, с. 337]. Отголоски прусской строгости можно найти и в реплике русского путешественника о Потсдаме: «У ворот записали наши имена; однакожь в рассуждении допросов ныне нет уже такой строгости, как прежде» [14, с. 41]. В самом же Берлине трактирщик приносит рассказчику лист с теми же вопросами, которые задавались «при въезде в город, с прибавлением одного: *в каких ворота вы въехали?*», что заставляет героя заметить: «Боже мой! какая осторожность! Разве Берлин в осаде?» [14, с. 35]. Д. И. Фонвизин и вовсе называет Франкфурт-на-Майне тюрьмой, где следует либо родиться, либо «очень долго жить, чтоб привыкнуть к такой тюрьме» [12, с. 507]. В сочинении Ф. П. Лубяновского упоминается, что «в часы проповедания слова Божия запираются городские ворота» [15, с. 19] Дрездена, а в девять часов вечера запираются все ворота Лейпцига, кроме одних, за проход через которые следует заплатить, причем делается это по распоряжению «строгой здешней Думы», которая таким образом борется со «слишком уж явным расслаблением в нравах» [15, с. 59] горожан. С этим правилом сталкивается и герой Н. М. Карамзина, который, проведя время до полуночи в трактире за городом, вынужден заплатить за открытие ворот в неурочный час [14, с. 68].

Однако русских путешественников в Германии прежде всего интересуют, как было выше сказано, достижения искусства. При описании городов внимание обращается на архитектурные достопримечательности. Так, у В. Н. Зиновьева встречается следующие характеристики общей планировки Берлина: «город прекрасный; можно его назвать чудом. ...сам собою чрезвычайно хороший; строение каменное, многие прекрасные дома в нем находятся...» [13, с. 336]. О Дрездене сообщается, что «город довольно хороший и положение его чрезвычайно приятное», кроме того, здесь есть «прекрасный мост, который отменно длинен», и иные «примечания достойные» строения: католическая и лютеранская церкви, «великолепное строение для сбора так называемых "Landesstädte"» [13, с. 338 – 339]. Отмечается также «хорошо» и «с великим вкусом» выстроенный новый город в Касселе [13, с. 349].

У Н. М. Карамзина и Ф. П. Лубяновского описания становятся гораздо пространнее; особенно это касается первого автора, фрагменты текста которого начинают напоминать путеводитель: «Кенигсберг, столица Пруссии, есть один из больших городов в Европе, будучи в окружности около пятнадцати верст. Некогда был он в числе славных *Ганзейских* городов (*Прим. автора: здесь и далее курсив Н. М. Карамзина*). И ныне коммерция его довольно важна. Река Прегель, на которой он лежит, хотя не шире 150 или 160 футов, однакожь так глубока, что большая купеческая суда могут ходить по ней. Домов считается около 4000, а жителей 40 000...» [14, с. 19]. Даже в маленьком городке карамзинский путешественник (в отличие от повествователей в зинovieвском и фонвизинском текстах) способен найти что-то примечательное и удариться в исторический экскурс: так, Гейлигенбейль напоминает рассказчику о языческих временах, когда «тут возвышался... величественный дуб,

безмолвный свидетель рождения и смерти многих веков – дуб священный для древних обитателей сей земли. Под мрачною его тению обожали они идола Курхо, приносили ему жертвы, и славили его в диких своих гимнах» [14, с. 24]. Сравните это с лаконичными описаниями Мангейма у В. Н. Зиновьева и Д. И. Фонвизина: «Город новый, совсем регулярный...» [13, с. 349]; «...лучше его я не видал в Германии: строение новое и регулярное», а из-за соседства с французами в здешних немцах «...гораздо менее национальности, нежели в других» [12, с. 455].

Вообще, Д. И. Фонвизин скептически относится к иностранцам вообще и немцам в частности. Например, у него встречаются такие пассажи: «Улицы узкие, дома высокие, набиты немцами, у которых рожи по аршину. ...вечеру же в восемь часов вывозят нечистоту из города», что «...дает ясное понятие как об обонянии, так и о вкусе кенигсбергских жителей» [12, с. 505 – 506]; в «несносном» Франкфурте «мрачность... самая ужасная» [12, с. 506]; по мнению автора, «ворота Европы» располагаются в двух тысячах верст от Петербурга, в Лейпциге, первом немецком городе, заслуживающем «примечания» [12, с. 508]; на пространстве от Петербурга до Нюрнберга «...во всем генерально хуже нашего: люди, лошади, земля изобилие в нужных припасах – словом, у нас все лучше, и мы больше люди, нежели немцы» [12, с. 508].

Другие повествователи гораздо сдержаннее в оценках не понравившегося им. Так, русский путешественник Н. М. Карамзина, сетующий на огрехи канализации в Берлине, не переходит, однако, «на личности» горожан, как это делает в своем письме Д. И. Фонвизин: «...здешние каналы наполнены всякою нечистотою. Для чего бы их не чистить? Не уже ли нет у Берлинцев обоняния?» [14, с. 34]. Карамзинский герой позволяет себе лишь мягкую иронию по отношению к немецким обывателям: «Выехав из Кенигсберга, еще не видал я порядочно одетого человека. Двое играли в бильярд: один в зеленом кафтане, диком камзоле, и в сальном парике..., а другой молодой человек в пестром кургузом фраке... оправлял беспрестанно свой толстый, запачканный галстук. Карриатура за карриатурою приходила в трактир, и всякая карриатура требовала пива и трубки» [14, с. 24]; «Офицеры отличались от рядовых только тем, что у них косы привиты были гораздо круче. ...тянули они всем фрунтом водку, и так неосторожно, что некоторые стукались лбами» [14, с. 40]. Еще более сдержан в негативных оценках В. Н. Зиновьев, хотя эта сдержанность не без доли аристократического превосходства. Так, ссылаясь на свою привычку к русской роскоши, о чем говорилось ранее, он подмечает небрежность и простоту в одежде прусского короля или сетует на скупость при организации обеда в Магдебурге, где «...его величество не расхибся в великолепии сих обедов...» [13, с. 345]. Уровень роскоши – то, на что направлен взгляд русского аристократа. Описывая в паре предложений Лейпциг, он замечает: «Перемену чрезвычайную нашел... Роскошь чрезвычайно умножилась» [13, с. 342]. Поэтому скромные порядки при дворе отличающегося умеренностью саксонского курфюрста вызывают у повествователя двойственные чувства: с одной стороны, он сетует на скуку местной придворной жизни, на отказ от роскоши («Дворцовые, как и все прочие собрания, довольно скучны...»), здесь имеются лишь «остатки великолепия двора» и пре-

жде всего удивительное для «столь малого города» большое количество «хороших искусников и ремесленников» [13, с. 340]; с другой – признает, что та роскошь, которой отличались прежние правители, была весьма разорительна для страны: «...роскошью и глупой пышностью все, кажется, употребили, чтобы землю свою истощить...» [13, с. 339]. Ссылаясь на исторический анекдот о скупости саксонцев, не заплативших архитектору положенного, В. Н. Зиновьев объясняет неэстетичный вид колокольни при церкви: разозленный архитектор уничтожил ее план, из-за чего пришлось «...колокольню приделать, которая так скверна, что, при таком хорошем строении, более смех, нежели украшение делает» [13, с. 339]. Еще позитивнее оценивает саксонскую умеренность Ф. П. Лубяновский: в Дрездене «...роскошь не в высшей степени. Осторожная бережливость отъемлет ли у здешних жителей охоту к ее блеску и удовольствиям, или заставляя против воли от них отказываться» [15, с. 16]; «Если обратиться к прошедшему времени, когда здесь роскошь, снедая свои богатства, не могла ими довольствоваться и блеск свой поддерживала чужим имуществом..., то нельзя не отдать справедливости здешнего Правительства, которое... решилось отречься от прежних правил и взять иной ход, совсем им противоположный. Умеренность заступила место роскоши» [15, с. 36]. Впрочем, повествователь также не упускает случая посмеяться над умеренностью дрезденских обывателей: «Как вы воздержаны! Часа два пьете один стакан пива» [15, с. 20].

Еще одной категорией горожан, над которой смеются русские путешественники, являются немецкие ученые, готовые, на взгляд рассказчиков, часами и днями рассуждать об отвлеченных, маловразумительных материях. В текстах Д. И. Фонвизина и Ф. П. Лубяновского эти образы неразрывно связаны с Лейпцигом, известным своим университетом. Так, у первого автора читаем, что в городе «живут преученые педанты» [12, с. 417]. Лейпциг наполнен «учеными людьми»: одни из них «...почитают главным своим и человеческим достоинством то, что умеют говорить по-латыни, чему, однако ж, во времена Цицеронова умели и пятилетние ребята; другие, вознесясь мысленно на небеса, не смыслят ничего, что делается на земле; иные весьма твердо знают артифициальную логику, имея крайний недостаток в натуральной; ...Лейпциг доказывает неоспоримо, что ученость не родит разума» [12, с. 454]. Герой Ф. П. Лубяновского встречает по дороге из Дрездена в Лейпциг ученого богослова, который «...не знал, с чего начать, а после, на чем остановиться; ночь жаловал в полдень, и между черным и белым отнюдь не хотел видеть никакой разницы» [15, с. 52]; встретив же своего коллегу, другого богослова, и вовсе пустился в прения «по всей строгости правил Полемиконогических» [15, с. 54]. В самом Лейпциге рассказчик посещает лекции некоего профессора: «Он при мне начал Антропологию <...> пространно рассуждал о духе и теле, о каждом особо, удостоверяя: «Что человек в отношении к телу не что иное, как истукан; но не из мрамора, а из чего-то тягучего, и никак не соглашался на то простое мнение, чтоб тело наше было из земной персти...». – До двух сотен человек было слушателей, и во все время глубокое молчание: многие воображали, что сама Премудрость вещала его устами; другие – везде есть добрые люди – спокойно спали» [15,

с. 56 – 57]. У Н. М. Карамзина и Ф. П. Лубяновского появляется также образ бурша, студента-гуляки: в Лейпциге «...сердца молодых людей... и встречают, и сами себе пролагают тысячу дорог к развращению»; здесь «...между Студентами и вообще между жителями слишком уж явное расслабление в нравах» [15, с. 59 – 60]. Русский путешественник Н. М. Карамзина говорит о студентах в более положительном тоне, называя их, например, «веселыми Студентами» [14, с. 49] или «молодыми щеголями из Студентов», которые «являются с блеском в... собраниях: играют в карты, танцуют, куртизируют» [14, с. 64].

При этом следует признать, что немцы как законченные образы слабо представлены на страницах сочинений Д. И. Фонвизина и В. Н. Зиновьева (в последнем случае, если речь не идет о специфической придворной сфере), тогда как подобных образов довольно много у Ф. П. Лубяновского и в особенности у Н. М. Карамзина, русский путешественник которого не только посещает различных знаменитых людей Германии, но описывает при случае тех, с кем не встречался, а также упоминает множество иных персон. В карамзинском травелогге образы ряда известных немцев, художников и ученых, выступают важным элементом репрезентации того или иного города. Так, Кенигсберг связывается с философом И. Кантом; Берлин – с писателями Ф. Николаи, Ф. Морицем, К. Рамлером, И. Энгелем, ученым И. Формеем; Лейпциг – с профессором местного университета, в частности, с Э. Платнером, а также с поэтом Х. Вейсе; Веймар – с именами К. Виланда, И. Гердера и И. Гете. Наконец, в Дармштадт русский путешественник Н. М. Карамзина едет ради встречи с богословом И. Штарком.

Внимание же авторов докарамзинской эпохи, напротив, сосредоточено в основном на вещном мире немецкой культуры: на различных ее артефактах, музеях, художественных галереях и т. п., изображаемых, впрочем, весьма лаконично. В. Н. Зиновьев пишет, например, о двух вещах в Дрездене, «великого примечания достойных»: во-первых, о не имеющем себе подобия «в свете» собрании «хороших картин» «разных школ мастеров», а во-вторых, о трезоре, называемом «Грюн-Гевельб», также единственном «в своем роде», «...где все драгоценные камни, всякого рода в большом изобилии и в совершенстве, находятся» [13, с. 341]; о «довольно изрядном» и «в великом порядке» находящемся собрании касельского «музеума» [13, с. 349]; о картинной галере Мюнхена, примечательнейшая «изо всех вещей» в Мюнхене [13, с. 350]. Д. И. Фонвизин во Франкфурте, знаменитом «древностями» и в качестве места избрания императора Священной римской империи, осматривает «...известную ... la Bulle d'ог (Золотую Буллу) императора Карла IV» и посещает имперский архив [12, с. 454]. В Лейпциге предметом интереса становятся «картинные кабинеты» со множеством «наилучших пиес славных мастеров» [12, с. 509]; в Нюрнберге – ратуша, украшенная дюреровскими картинами, и замок, «на превысокой и прекрутой горе уродливое и мрачное большое здание» с картинами того же Дюрера, а также моделями святых вещей [12, с. 512 – 513]. Кроме того, в связи с городом упоминаются церкви, книжные лавки, «славный бронзовый фонтан, за который государыня предлагала тридцать тысяч рублей», арсенал с «весьма любопытными» воинскими снарядами, уборами и одеждами древних рыцарей [12, с. 514]. У Н. М. Ка-

рамзина и Ф. П. Лубяновского подобные описания увеличиваются и количественно, и качественно: так, у последнего экфрасис картин, выставленных в Дрездене, может занимать несколько страниц. Ф. П. Лубяновский вообще начинает знакомство читателя с городом изображением картинной галереи, предваряя его фразой: «Три дня, как я в Дрездене; но еще не мог ничего видеть» [15, с. 9], т. е. эстетическое восприятие пространства доминирует над всем остальным, влияя на отбор объектов описания.

Промышленные объекты упоминаются гораздо реже: например, берлинская фабрика фарфора, которая «по крайней мере не хуже саксонской» [13, с. 336]; «...по чистоте и твердости фарфора, есть одна из первых в Европе» с множеством «прекрасных вещей», демонстрирующих «искусство рук человеческих» [14, с. 47]; мейсенская фабрика фарфора, где «...делают славный Саксонский фарфор» [14, с. 58] (при этом в самом городе «ничего видеть», кроме «славной тамошней фарфоровой фабрики» [15, с. 53]), аугсбургская ситцевая фабрика, столь хорошо устроенная, «...что... одевает ситцем самую Италию» [12, с. 515]; «весьма примечательные» суконные фабрики в Гернгуте [15, с. 85]. Но и здесь, как видим, в большинстве случаев эстетический аспект преобладает над утилитарно-деловым.

Итак, сравнение пар травелогов (текстов В. Н. Зиновьева и Д. И. Фонвизина, Н. М. Карамзина и Ф. П. Лубяновского соответственно) выявляют сдвиг в сторону литературности, который происходит в созданных позднее произведениях: описания становятся пространней, напол-

няются подробностями, стилистическими фигурами, различными историческими и современными реалиями и т. п. Однако установка на эстетико- и культуроцентричное восприятие инонационального пространства является общей тенденцией, которая лишь усиливается со временем. Описывая городские локусы Германии, авторы создают свой образ Чужого в его имплицитном или эксплицитном сопоставлении со Своим. Наконец, следует отметить эволюцию данного образа. Если у В. Н. Зиновьева и Д. И. Фонвизина немецкие города есть в первую очередь пространство культурных артефактов, т. е. примечательных вещей (архитектурных памятников, картин и т. п.), то у Н. М. Карамзина и Ф. П. Лубяновского оно «населяется» множеством персонажей, пусть порой и весьма условных, и от этого становится многомерным и одновременно цельным и «живым». К «вещному» началу добавляются антропологическая и природная сферы. Лакунарность и дискретность образов немецких городов в зиновьевском и фонвизинском травелогах сменяется в сентименталистских произведениях попыткой создать из отдельных локальных фрагментов единое нарративное пространство. Конечно, попытки синтеза можно найти и в письмах Д. И. Фонвизина, но там немецкость строится на основании негативного сравнения с русскостью. Ф. П. Лубяновский решает эту задачу путем локального ограничения немецкого начала в основном до территории Саксонии. Н. М. Карамзин же стремится из германского «локутного одеяла» создать цельное пространство духовных свершений.

Литература

1. Данилевский Р. Ю. Путешествие как культурный феномен. Русские на Западе, Европейцы в России // Русская литература. 2016. № 3. С. 272 – 274.
2. Jovanović G. Hermeneutik des Reisens // Phänomenologie, Geschichte und Anthropologie des Reisens / Hrsg. von L. Polubojarinova, M. Kobelt-Groch, O. Kulishkina. Kiel: Solivagus, 2015. S. 83 – 101.
3. Фарафонова О. А. Маршруты русских травелогов XVIII века // Русский травелог XVIII – XX веков: маршруты, топосы, жанры и нарративы: коллективная монография / под ред. Т. И. Печерской, Н. В. Константиновой. Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2016. С. 261 – 285.
4. Саид Э. Ориентализм: Западные концепции Востока / пер. с англ. А. В. Говорунова. СПб.: Русский мир, 2006. 638 с.
5. Нойманн И. Использование "Другого": образы Востока в формировании европейских идентичностей / пер. с англ. В. Б. Литвинова и И. А. Пильщикова. М.: Новое издательство, 2004. 335 с.
6. Time G. A. Reise als Selbstfindung. Russische geistige Vagabondage „ausserhalb“ von Zeit und Raum // Phänomenologie, Geschichte und Anthropologie des Reisens / Hrsg. von L. Polubojarinova, M. Kobelt-Groch, O. Kulishkina. Kiel: Solivagus, 2015. S. 437 – 442.
7. Гуминский В. М. Путь на Запад: русская литература путешествий в послепетровскую эпоху // Новая книга России. 2016. № 3. С. 17 – 25. Режим доступа: <http://www.voskres.ru/literature/library/guminskiy1.htm> (дата обращения: 09.11.2016).
8. Шенле А. Подлинность и вымысел в авторском самосознании русской литературы путешествий 1790 – 1840 / пер. с англ. Д. Соловьева. СПб.: Академический проект, 2004. 272 с.
9. Топоров В. Н. "Бедная Лиза" Карамзина. Опыт прочтения: К двухсотлетию со дня выхода в свет. М.: Изд. центр РГГУ, 1995. 512 с.
10. Морозова Н. Г. Экфрасис в русском травелогe конца XVIII века // Альманах современной науки и образования. 2007. № 3-1. С. 162 – 165.
11. Гачев Г. Д. Национальные образы мира: курс лекций. М.: Academia, 1998. 430 с.
12. Фонвизин Д. И. Собр. соч. в 2 т. / Сост., подг. текстов, вступ. статья и комм. Г. П. Макогоненко. М.; Л.: Художественная литература, 1959. Т. 2. 742 с.
13. Зиновьев В. Н. Журнал путешествия по Германии, Италии, Франции и Англии (1784 – 1785) / подг. текста и коммент. Н. Д. Блудилиной // Россия и Запад: горизонты взаимопознания. Вып. 3: Литературные источники последней трети XVIII века. М.: ИМЛИ РАН, 2008. С. 335 – 380.
14. Карамзин Н. М. Письма русского путешественника / сост. Ю. М. Лотман, Н. А. Марченко, Б. А. Успенский. Л.: Наука, 1987. 716 с.
15. Лубяновский Ф. П. Путешествие по Саксонии, Австрии и Италии в 1800, 1801 и 1802 годах: в 3 ч. СПб.: Медицинская типография, 1805. Ч. 1. 230 с.

THE IMAGEIS OF GERMAN CITIES IN RUSSIAN TRAVELOGUES AT THE TURN OF XIX CENTURY

Sergey S. Zhdanov^{1,*}

¹ Siberian State University of Geosystems and Technologies, 10, Plakhotnogo St., Novosibirsk, Russia, 630108
*fstud2008@yandex.ru

Received 16.02.2017.

Accepted 12.05.2017.

Keywords: travelogue, urban image, Germany, V. N. Zinov'ev, D. I. Fonvizin, N. M. Karamzin, F. P. Lubyantsovskiy.

Abstract: The paper deals with specific features of representing German cities and towns in Russian travelogues at the turn of the XIX century written by V. N. Zinov'ev, D. I. Fonvizin, N. M. Karamzin and F. P. Lubyantsovskiy. These texts reflect pursuance of Russian self-identity on the basis of comparison with Western Europe, in particular, with Germany. The Russian authors focus on culture-specific elements of the represented locuses. Cleanness, comfort, space limitation and closeness should also be mentioned as characteristics of the German urban chronotopos. The urban locus is represented from two points of view: as a space of cultural artifacts and as an anthropic space of citizens. The second aspect is important for N. M. Karamzin and F. P. Lubyantsovskiy's sentimentalistic texts but can hardly be found in works by V. N. Zinov'ev and D. I. Fonvizin. The urban descriptions in sentimentalists' travelogues are more voluminous, filled with figures of speech, different historic and contemporaneous realia.

For citation: Zhdanov S. S. Obrazy germanskikh gorodov v russkikh travelogakh rubezha XVIII – XIX vv. [Images of Urban Germany in Russian Travelogues at the Turn of the XIX Century]. *Bulletin of Kemerovo State University*, 2017; (2): 189 – 194. (In Russ.) DOI: 10.21603/2078-8975-2017-2-189-194.

References

1. Danilevskii R. Iu. Puteshestvie kak kul'turnyi fenomen. Russkie na Zapade, Evropeitsy v Rossii [Journey as a cultural phenomenon. Russians in the West, Europeans in Russia]. *Russkaia literatura = Russian literature*, no. 3 (2016): 272 – 274.
2. Jovanović G. Hermeneutik des Reisens. *Phänomenologie, Geschichte und Anthropologie des Reisens*. Hrsg. von L. Polubojarinova, M. Kobelt-Groch, O. Kulishkina. Kiel: Solivagus, 2015, 83 – 101.
3. Farafonova O. A. Marshruty russkikh travelogov XVIII veka [Routes of Russian travelogues of the XVIII century]. *Russkii travelog XVIII – XX vekov: marshruty, toposy, zhanry i narrativy* [Russian travelogue of the XVIII – XX centuries: routes, topoi, genres and narratives]. Ed. Pecherskaia T. I., Konstantinova N. V. Novosibirsk: Izd-vo NGPU, 2016, 261 – 285.
4. Said E. *Orientalizm: Zapadnye kontseptsii Vostoka* [Orientalism: Western concepts of the Orient]. Transl. Govorunov A. V. Saint-Petersburg: Russkii mir, 2006, 638.
5. Neumann I. *Ispol'zovanie "Drugogo": obrazy Vostoka v formirovanii evropeiskikh identichnostei* [Uses of the Other: "The East" in European identity formation]. Transl. Litvinov V. B. and Pil'shnikov I. A. Moscow: Novoe izdatel'stvo, 2004, 335.
6. Time G. A. Reise als Selbstfindung. Russische geistige Vagabondage „ausserhalb“ von Zeit und Raum. *Phänomenologie, Geschichte und Anthropologie des Reisens*. Hrsg. von L. Polubojarinova, M. Kobelt-Groch, O. Kulishkina. Kiel: Solivagus, 2015, 437 – 442.
7. Guminsky V. M. Put' na Zapad: russkaia literatura puteshestvii v poslepetrovskuiu epokhu [Way to the West: Russian literature of journey in the post-Petrine period]. *Novaia kniga Rossii = New book of Russia*, no. 3 (2016): 17 – 25. Available at: <http://www.voskres.ru/literature/library/guminskiy1.htm> (accessed 09.11.2016).
8. Shenle A. *Podlinnost' i vymysel v avtorskom samosoznanii russkoi literatury puteshestvii 1790 – 1840* [Authenticity and fiction in the Russian literary journey 1790 – 1840]. Transl. Solov'ev D. Saint-Petersburg: Akademicheskii proekt, 2004, 272.
9. Toporov V. N. "Bednaya Liza" Karamzina. *Opyt prochteniia: K dvukhsotletiiu so dnia vykhoda v svet* [Karamzin's "Bednaya Liza". Practices of interpretation: to the 200-anniversary of publication]. Moscow: Izd. tsentr RGGU, 1995, 512.
10. Morozova N. G. Ekfrazis v russkom traveloge kontsa XVIII veka [Ekphrasis in the Russian travelogue at the turn of the XIX century]. *Al'manah sovremennoi nauki i obrazovaniia = Almanac of modern science and education*, no. 3-1 (2007): 162 – 165.
11. Gachev G. D. *Natsional'nye obrazy mira* [National images of the world]. Moscow: Academia, 1998, 430.
12. Fonvizin D. I. *Sobranie sochinenii* [Collected works by Fonvizin D. I.]. Comp. Makogonenko G. P. Moscow; Leningrad: Khudozhestvennaia literatura, vol. 2 (1959): 742.
13. Zinov'ev V. N. *Zhurnal puteshestviia po Germanii, Italii, Frantsii i Anglii (1784 – 1785)* [Journal of a journey to Germany, Italy, France and England (1784 – 1785)]. *Rossia i Zapad: gorizonty vzaimopoznaniia. Vyp. 3: Literaturnye istochniki poslednei treti XVIII veka* [Russia and the West: perspectives of mutual understanding. Iss. 3: Literary sources of the final third of the XVIII century]. Moscow: IMLI RAN, 2008, 335 – 380.
14. Karamzin N. M. *Pis'ma russkogo puteshestvennika* [Letters of a Russian traveler]. Comp. Lotman Ju. M., Marchenko N. A., Uspenskii B. A. Leningrad: Nauka, 1987, 716.
15. Lubyantsovskii F. P. *Puteshestvie po Saksanii, Avstrii i Italii v 1800, 1801 i 1802 godakh* [Journey through Saxony, Austria and Italy in 1800, 1801 and 1802]. Saint-Petersburg: Meditsinskaia tipografiia, Part 1 (1805): 230.